

ВЕРШИТ ЛИ ИСТОРИК СУД?¹

В.Ю. Апрыщенко

Аннотация. Статья посвящена вопросу о профессиональной и гражданской ответственности историков. Используя нарративные источники от древности до современности, автор прослеживает социальную роль истории, в особенности то, как на протяжении последних двух столетий трансформировалось представление о роли историков в обществе. Он показывает, что в эпоху формирования национальных государств служить истории означало одновременно и служить родине. Вопрос об использовании истории в политике также является одной из проблем, рассматриваемых в статье. Автор приходит к выводу, что в разные периоды историки сторонились связей с политикой, полагая своей единственной миссией служение науке. Изучение и преподавание истории, по его мнению, не является политически нейтральным, и сама история связана с вопросом о личном политическом участии историка, будь то в форме гражданских дебатов или прямого участия в политической борьбе. На примере празднования юбилеев Французской революции в 1889, в 1939 и 1989 годах автор показывает, как среди французских историков соотносились представления об их профессиональном и гражданском долге. Автор рассматривает «законы о памяти», принятые в последние десятилетия во многих странах, приходя к выводу о том, что попытки посредством законодательства регулировать подходы к прошлому препятствуют профессиональному историописанию.

Ключевые слова: историческая наука, ответственность историка, коллективная память, юбилейные даты, законы о памяти.

Апрыщенко Виктор Юрьевич, доктор исторических наук, профессор, директор Института истории и международных отношений, Южный федеральный университет, 344006, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105/42, victorapri@sfedu.ru.

¹ Публикация выполнена при поддержке программы Жана Моне – Мероприятие Эразмус+ Проект № 599419-EPP-1-2018-1-RU-EPPJMO-CHAIR. Содержание публикации не является официальной позицией ЕС и отражает личное мнение автора.

DOES A HISTORIAN ADJUDICATE?

V.Yu. Apryshchenko

Abstract. The article is concerned with the issue of professional and civil responsibility of historians. Using narrative sources from antiquity to the present, the author traces back the social role of history, particularly, how the idea of the historian's role in society has transformed over the past two centuries. The article shows that in the era of the formation of national states, serving the history meant simultaneously serving the homeland. The issue of the usage of history in politics is also one of the issues examined in the article. The author comes to the conclusion that in different periods historians tried to avoid any connections with politics, believing that their only mission was to serve the science. The author states, that the study and teaching of history is not politically neutral, and history itself is connected with the question of the personal political participation of the historian, whether in the form of civil debate or his direct participation in the political struggle. Using the example of celebrating the anniversaries of the French Revolution in 1889, in 1939 and 1989, the author shows how the ideas of historians' professional and civic duty correlated among the French. The author examines the "laws on memory" adopted in recent decades in many countries, concluding that attempts through legislation to regulate approaches to the past impede professional historical writing.

Keywords: historical science, historian's responsibility, collective memory, anniversary dates, laws on memory.

Я хотел выразить свой протест против преступлений, совершаемых во имя тех или иных политических идей, во имя родины, когда кучка людей при постыдной поддержке определенной части общества решает, кто для этой родины свой, а кто должен покинуть ее или вообще исчезнуть. Я писал... против риторики ненависти и против забывчивости, на которую сильно рассчитывают те, кто старается придумать такую историю, какая будет служить их планам и их тоталитарным убеждениям.

Фернандо Арамбуру. Родина.

БРЕМЯ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

4 июля 1807 г. в журнале *'Le Mercure'* вышла статья Франсуа Рене де Шатобриана, в которой автор, рассуждая о Наполеоне, отношения с которым складывались крайне противоречиво, писал: «Когда в безмолвном молчании слышно лишь бряцание рабских цепей и голос доносчика, когда все дрожат перед тираном и когда его покровительство столь же опасно, как и его опала, появляется историк и вершит свой суд. Рано радовался Нерон, потому как где-то на просторах Империи уже родился Тацит» [Chateaubriand, 1807].

Но что означает это — «историк вершит суд»? Фраза, звучащая одновременно и величественно, и пугающе. Вероятно, для Шатобриана, написавшего эти строки в начале XIX столетия, в годы, ознаменованные культом свободы и формирования наций, это подразумевало не что иное, как поставить историка на передний край служения свободе, праву и нации. По мнению Франсуа Артога, «историк может становиться, прямо или косвенно, действительно или метафорически, и другим “представителем власти” в поле современности — судьей» [Артог, 2013].

В стремлении обезопасить себя от бремени столь ответственной миссии историки последующих поколений не слишком стремились к тому, чтобы быть глашатаями гражданских свобод. Причины этого различны и имеют как собственно историографический характер, связанный с логикой развития самого исторического знания, так и определялись внешними факторами, когда в условиях тоталитарных или авторитарных режимов историки искали наиболее безопасные темы исследования, не связанные с современной им политической действительностью. Для многих из них способ сохранения собственного достоинства заключался в том, чтобы как можно дальше дистанцироваться от истории современности и изучать Древнюю и Средневековую историю — как наименее идеологически опасные исторические периоды.

Объясняя отказ от притязаний на роль блюстителей гражданской ответственности, историки ссылаются и на убеждение, часто встречающееся у античных авторов, особенно у греков, что в истории народов было много случаев, когда молчание о прошлом является долгом. После драматических периодов тирании

или гражданских разногласий становится необходимым подчеркнуть примирение и постараться забыть трагические времена прошлого. Так, Софокл в «Антигоне», когда вражда между главными героями уступает место примирению, устами хора провозглашает:

*«Так предадим же забвенью теперь
Ужас промчавшейся брани!
В храмы бессмертных богов пойдем!» [Софокл, 2010].*

И историк должен умолкнуть, дав миру и согласию укорениться в умах, сознании и коллективной памяти общества, для которого худой гражданский мир настоящего дороже доброй ссоры прошлого. Но не кажется ли нам, что из всех возможных способов обращения с прошлым молчание — самый трусливый и, возможно, небезопасный путь?

В Афинах в конце V в. до н.э. такое молчание по поводу конфликтов прошлого и настоящего использовалось систематически. В 403 г. до н.э., по окончании кровавого Правления тридцати тиранов и военного поражения Афин, вернувшиеся демократы провозгласили всеобщее примирение, законодательно закрепив его, запрещая «память о несчастьях». Афиняне всех социальных групп — демократы, олигархи, а также те, кого называли «тихими людьми» — все, кто испытал на себе бремя конфликта, независимо от того, какую сторону они принимали, согласно закону, приносили клятву никогда не вспоминать недавнюю трагическую вражду. Стремление закрепить демократический консенсус основывалось на долге молчания. Аристотель даже утверждает, что умеренный в своих взглядах Архинос, вернувшийся в Афины с демократами, предал одного афинянина суду, приговорив его к смертной казни, и отныне никто из жителей полиса не нарушал нового закона о забвении. Исократ, которому в 403 г. до н.э. исполнилось 33 года, написал об этом законе забвения: «Принеся друг другу клятву, мы сплотились воедино, как будто нас никогда не постигало несчастье» [Исократ]. Современность в представлении древних греков обладала большей ценностью, чем прошлое, а память могла вредить современности.

Такое понимание прошлого, вероятно, противоречит самой деятельности историка, который должен в своем ремесле скорее воскрешать былое, а не предавать его забвению. И жертвой такой деятельности, вероятно, может стать эмоциональное единство общества, чья идентичность подвергается испытанию прошлым, ведь совершенно очевидно, что особенно остро проблема статуса исторического знания и роли историка стоит в обществах, недавно переживших острые конфликты или испытывавших на себе переходы от одного режима к другому.

В начале 2020 г. Вольное историческое общество (*далее — ВИО*) на основе опроса профессиональных историков, с целью выявления преобладающих интересов, видения проблем, готовности работать на благо сообщества, отношения к «исторической политике», наличия выраженных политических взглядов, опубликовало доклад «Существует ли российское историческое сообщество?». Авторы доклада ссылаются на Б. Соколова, отмечавшего, что «на нравы историков пагубно влияет то обстоятельство, что проблемы выживания как тех историков, которые сделали историю

основным источником своего дохода, так и тех, кто фанатично и бескорыстно занимается историей, отнюдь не зависят от поисков научной истины как таковой. Обычно как те, так и другие встраиваются в рамки определенных идеологических концепций, определяемых требованиями рынка печатной продукции или интересами тех политических или бизнес-структур, которые дают заказы историкам... В истории же, как и в других гуманитарных науках, сами по себе научные... факты решающим образом зависят от их интерпретации, а в интерпретации господствует произвол историков» [Историки в современной России ... , 2020]. Хотя авторы доклада и ставили перед собой цель ответить на вопрос о существовании сообщества историков в современной России (или отсутствии такового), они параллельно исследовали целый ряд важных проблем, в том числе и о мотивации историков, их отношении к своей профессии.

Историческая мобилизация характерна для периодов коммемораций, когда общества отмечают события, лежащие в основе национальной мифологии или полагаемые в качестве определяющих для истории народов. Участие историков в коммеморативных практиках является одним из наиболее рискованных инструментов репрезентации былого, поскольку, как правило, профессиональные методы исследования прошлого уступают натиску политической конъюнктуры и насущной повестке дня. При этом профессиональное историческое сообщество часто подвергается критике и обвинениям в политической ангажированности. Так, Джон Говард, став премьер-министром Австралии в 1996 г., заявил, что «Одним из наиболее коварных событий в политической жизни Австралии за последнее десятилетие была попытка переписать историю, поставив ее на службу политике»; при этом, по его мнению, сами историки сыграли в этом неблагоприятную роль [Macintyre, 2004, p. 137].

Кажется, что Джон Говард был знаком с творчеством французского поэта Поля Валери (1871–1945), среди многочисленных цитат которого едва ли не чаще других приводятся слова о том, что «история — это самый опасный продукт, выработанный химией интеллекта. Ее свойства хорошо известны. Она заставляет мечтать, она опьяняет народы, порождает у них ложные воспоминания, растревляет их старые раны, мучает их во время отдыха, вызывает у них манию величия и манию преследования и делает нации желчными, высокомерными, нетерпимыми и тщеславными. История оправдывает все, что угодно. Она не учит абсолютно ничему, ибо содержит в себе все и дает примеры всего» [Валери]. Для Валери историки вредны не только потому, что они вскрывают старые раны, но и потому, что могут оправдать более или менее все. Именно в этом для многих, незнакомых с ремеслом историка, заключается ответ на вопрос о пользе / бесполезности истории.

Существует, правда, и другая, смежная с поставленной выше проблема. Изучение и преподавание истории не просто не является политически нейтральным, и весь ход исторического развития учит нас тому, что рано или поздно любые политические режимы сменяются, но более того: история связана с вопросом о личном политическом участии историка, будь то в форме гражданских дебатов или прямого участия в политической борьбе. В этой связи важно исследовать целые поколения историков и отдельных представителей профессионального сообщества, которые

в разные моменты предпочитали лично участвовать в общественных делах. Яростно критиковавший Наполеона Шатобриан, полагавший себя в роли Тацита, возвысившего голос против Нерона, горел желанием принимать активное участие в становлении новой Франции. Вернувшиеся в годы Реставрации Бурбоны сделали этого консервативного интеллектуала, никогда не занимавшегося государственной деятельностью, государственным министром Франции.

Если обратиться к следующему поколению французских историков 1820-х гг., которые выступили против Людовика XVIII, а затем Карла X, то среди наиболее ярких его представителей были Франсуа Гизо, Адольф Тьер, Франсуа Минье и Огюстен Тьерри. Для них, как отмечает Гизо в своих мемуарах, история предлагала разнообразный арсенал аргументов против реакционной политики. Будучи искренне убежденными в практической пользе истории, они сознательно использовали знания и личный опыт, чтобы укрепить свои позиции в публичной сфере. Являясь талантливыми писателями, французские историки-романтики использовали свой дар как в рамках формирующегося научного знания, так и в полемических текстах. Именно они объясняли современникам, в чем состоит разница между «Старым порядком» и новой Францией, сторонниками которой они являлись, и что конфликт между этими двумя Франциями может быть преодолен не в политической борьбе, а путем общественных дискуссий. И посредником в обсуждении будущего Франции, по их мнению, могла стать история, в том числе совсем недавняя история Революции [Joutard, 1993, p. 543–546].

Точно так же и сто лет спустя среди антифашистского Комитета бдительности в 1930-е гг. было большое количество историков. Несколькими десятилетиями позже, на излете Четвертой и в самом начале Пятой республики во Франции, студенты-историки, собиравшиеся в Латинском квартале и подававшие свой голос против алжирской войны, поддерживались своими сорбоннскими преподавателями, спускавшимися с университетских кафедр для того, чтобы исполнить свой гражданский долг. Профессиональное и гражданское сосуществовало и дополняло друг друга. Участие Марка Блока в движении Сопrotивления и его гражданская позиция позволили Филиппу Арбосу сказать о нем, что «Видеть в Блоке лишь историка и университетского преподавателя означает умалять его достоинства и упрощать его личность» [Блок, 1999, с. 8].

Однако политическая и общественная активность историка – это нечто иное, отличное от его профессиональной деятельности и той ответственности, которая наступает, когда историк в процессе своей деятельности осуществляет интеллектуальный процесс производства прошлого. В некоторых случаях дистанцирование от современности и изоляция от насущной политической жизни могли быть сознательным выбором, как это произошло, например, в 1920-х гг. в Европе, где историки отказывались от политического участия, демонстрируя свое отношение к оргиям национализма. Это, одновременно, не исключало их участия в войнах в качестве солдат и офицеров.

Наконец, чрезвычайно важной является и проблема рефлексии историка по поводу своей деятельности. В отличие от антикварного историописания, адепты которого были сосредоточены лишь на накоплении знания о прошлом, истории как научной

дисциплине свойственны методы, отличающие ее от других социальных и гуманитарных наук. Осознание специфики этих методов должно сопровождаться и пониманием роли истории в обществе. На протяжении десятилетий лишь малая часть отечественного исторического сообщества задумывалась над социальной ролью истории. Сегодня, согласно упомянутому исследованию ВИО, происходит прирост интереса «к историографии, источниковедению и методам исторического исследования (рост более чем втрое), что вероятно говорит о нарастании рефлексии по поводу собственного труда в ходе научной карьеры» [Историки в современной России..., 2020]. И хотя интерес к указанным областям исторического знания может быть свидетельством не только стремления к рефлексии, но и усложняющегося исследовательского инструментария, то, что историки чаще, чем ранее, пытаются задаваться вопросом о специфике своего ремесла, совершенно очевидно.

ГРАЖДАНСКАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ИСТОРИКА

Вероятно, несмотря на стремление уйти от сложных и политических вопросов современной повестки, профессиональный историк не может полностью избежать гражданской ответственности, которая оказывается напрямую связанной с его интеллектуальной деятельностью. Более того, продукт этой деятельности может оказывать серьезное политическое влияние, что обусловлено предметом ремесла историка — прошлым, чье присутствие в современности в качестве памяти явно или неявно всегда является фактором политики. По крайней мере, в тех обществах, где существуют различные мемориальные нарративы и коммеморативные практики, конкурирующие друг с другом. И профессиональный историк вольно или невольно, осознанно или нет, но вынужден придерживаться той или иной версии прошлого. Следовательно, ответственность историка велика, и избежать ее можно только в одном случае — если уйти с пути профессионального историописания, став рассказчиком исторических анекдотов. Вероятно, что реализация этой ответственности возможна в двух направлениях. Во-первых, историк должен удовлетворять потребность в понимании прошлого человечества — чем оно было в разные исторические эпохи и чем оно является теперь, включая изучение идей и представлений, определявших развитие людей в прошлом и настоящем. А, во-вторых, историк способствует (не вынужден ли способствовать?) созданию и поддержанию идентичности той группы, к которой он принадлежит. Эта вторая роль, вероятно, является более неоднозначной, чем первая.

Но что значит нести правду о человечестве? Подобная претензия выглядит слишком амбициозно. Однако уверен, что есть множество историков, которые вдохновлялись в начале своей профессиональной карьеры словами как Шатобриана, так и Валери, процитированными выше. При этом знание и понимание прошлого помогает историку осознать и те процессы, которые происходят в современной ему действительности, и защищать близкие ему ценности. Республиканские идеалы, партизанская жизнь и участие в движении «Вольных стрелков» Марка Блока, как и

его гибель 16 июня 1944 г., не могут быть рассмотрены вне его исторических идей о том, что «вы можете радоваться или жаловаться, хвалить или поносить его, но у нас есть прошлое и мы не в силах его изменить. Оно отмечено историей нашей страны и его нельзя переделать» [Блок, 1999, с. 8]. Очевидно, что сообщество историков не может претендовать на какую-либо монополию на истину о прошлом, особенно в условиях молниеносного распространения любой информации, однако владение методами исторического анализа позволяет профессиональным исследователям претендовать на то, что именно они могут отделить правду от лжи.

Истории известно множество таких примеров. Нашумевшее «дело Дрейфуса» сыграло центральную роль в истории Франции Нового времени, поскольку отражало конфликт между двумя национальными идеями. Справа были те, кто считал, что национальные интересы имеют безусловный приоритет над другими интересами — индивидуальными, групповыми и другими. Но были — слева — и те, кто, занимая столь же патриотические позиции и памятуя о трагедии Франко-прусской войны, с окончания которой не прошло и тридцати лет, верил, что величие нации исчезнет, если ее защита будет основываться на нарушении прав человека. Поддержание и защиту этих индивидуальных прав они рассматривали в качестве общечеловеческой функции нации и как основу демократии. Войны памяти, идущие сегодня в современной России, на просторах бывшего Советского Союза и, шире, стран бывшего Социалистического лагеря, вероятно, имеют ту же самую природу. Вопросая профессиональных историков о цене советского имперского величия, и власть, и общество ожидают ответа, позволяющего не только объяснить прошлое, но и создать основу для построения современной идентичности.

«Я обвиняю» Эмиля Золя, опубликованное в ежедневной газете *«L'Aurore»* 13 января 1898 г. и адресованное президенту Франции Феликсу Фору в форме открытого письма, поддержали несколько историков [Золя, 1967]. Они опровергли ложные свидетельства Альфонса Бельома, привлекаемого эксперта, который из-за своих антисемитских предрассудков перепутал почерк обвиняемого капитана Дрейфуса и полковника Эстерхази. Архивные служители и историки предстали перед судом, чтобы опровергнуть компетенцию Бельома, используя свои профессиональные методы анализа текста, графологические и текстологические навыки — навыки, которые лежат в основе ремесла историка. Это потребовало большого морального мужества, так как давление со стороны националистов, как в прессе, так и на улицах, было достаточно сильным, чтобы поколебать даже самую сильную убежденность. Однако это оказалось верной тактикой, в основе которой лежала верность профессиональному и моральному долгу.

На «поле власти» в деле Дрейфуса, а точнее в реакции интеллектуалов на процесс Дрейфуса, столкнулись господствующая и подчиненная стороны литературного поля Франции, при этом и в лагере дрейфусаров, и среди антидрейфусаров были представители французского образованного класса (писатели, журналисты, артисты) [Шарль, 2005, с. 138]. Именно они, а не политики, определяли направление дискуссии, и именно под их давлением в 1897 г. премьер-министр Франции Жаль Мелин, заявлявший ранее, что «никакого дела Дрейфуса нет», вынужден был отдать приказ

о возобновлении расследования. Хотя на позиции отдельных интеллектуалов в деле Дрейфуса, как демонстрирует Кристофер Шарль, оказывали влияние социокультурное наследие и реляционное место мыслителя в интеллектуальном поле, более важными становились сети взаимодействия между представителями литературного поля — с одной стороны, а также контакты участников «литературной республики» конца XIX столетия с политической элитой — с другой [Шарль, 2005, с. 139].

В этой связи историческое и, шире, гуманитарное знание создает основу для производства политических, культурных, социальных и других смыслов. Но осознает ли само профессиональное сообщество эту свою роль? Исследование, предпринятое Вольным историческим обществом о современном российском сообществе историков, имеет не только узкопрофессиональное значение — оно способно продемонстрировать сложные взаимоотношения интеллектуалов и власти. Среди 152 опрошенных в ходе подготовки доклада о состоянии российского исторического сообщества из предложенных составителями анкеты вариантов 67% опрошенных согласились с фразой «История — наука, и не имеет других целей, кроме установления истины», 26% подписались под формулой «История служит задаче воспитания гражданина» и только 5% — под утверждением, что «История служит оружием в политической борьбе, как внутренней, так и внешней» [Историки в современной России..., 2020].

Сегодня «социальный запрос» подразумевает потребность широких слоев населения в информации о прошлом. Однако, действительно ли это «социальный» запрос или, скорее, «политическая» потребность в истории для того, чтобы легитимировать властные решения? Создается впечатление, что история чаще используется как ресурс власти, даже тогда, когда речь идет о ее воспитательной функции. В результате именно к профессиональным историкам обращаются с призывом вмешаться и высказать экспертное мнение по волнующим общество вопросам. И хотя т.н. «социальный» запрос не всегда противоречит профессиональным интересам исторического цеха, отдельные историки (и история в целом) оказываются втянуты в отношения с властью, что вновь обостряет дискуссию о том, должны ли историки, используя навыки профессиональной деятельности, раскрывать правду о преступлениях прошлого, или, вступив в «заговор молчания», способствовать примирению ценой сокрытия трагических страниц прошлого.

Вероятно, ответ должен быть утвердительным — гражданский долг историка заключается в том, чтобы делать правду о трагических страницах прошлого достоянием широких слоев общества и способствовать примирению не ценой сокрытия истины, а в результате широкого обсуждения сложных и болезненных вопросов прошлого. При этом долг историка в равной степени состоит и в том, чтобы не судить, выдвигая вердикт о виновности или невинности, а объяснять поступки людей прошлого, разрушая профессиональную башню из слоновой кости и предлагая свои аргументы широким слоям.

Однако кто является аудиторией, для которой работает историк? Исходя из стремления раскрывать правду о прошлом, было бы логично предположить, что

конечными адресатами этого процесса должны являться широкие слои населения, заинтересованные в этой истине. Однако, как показывает проведенный ВИО опрос, 77% опрошенных историков работают для коллег по специализации, 65% – для студентов, 59% – для гуманитарного сообщества в целом. Остальные ответы дали менее половины опрошенных: для «широкой взрослой аудитории» работает 48% респондентов, а для школьников – 25% [Историки в современной России..., 2020]. Исходя из такой аудитории, историк должен бы использовать тот комплекс кодов, который понятен его возможному читателю, в данном случае – таким же профессиональным исследователям. В результате широкой публике работа историка остается непонятной, и знание о прошлом «оседает» внутри профессионального цеха.

Отказываясь от открытия прошлого для широкой аудитории, историки не справляются со своими обязанностями, и потребность в знании восполняется другими институтами – политическими, религиозными, идеологическими – не обладающими исследовательскими инструментами и не знакомыми с современной исследовательской повесткой. Так, воссозданное в России несколько лет назад общество «Знание» отражает, скорее, не исследовательскую повестку профессионального историописания, а тот самый «социальный» запрос, в действительности оказывающийся потребностью власти в общественной мобилизации. В отличие от такого подхода профессиональный историк, не подбирая сюжеты «на злобу дня» – с одной стороны, и не выступая в роли судьи, назначающего наказание, – с другой, лишь раскрывает мотивы, толкающие отдельных людей или целые группы на совершение определенных деяний, отраженных в исторических свидетельствах и имеющих общественное значение.

Осуществлять такую историческую экспертизу очень трудно, однако некоторые травмы прошлого можно преодолеть лишь путем вскрытия затянувшихся ран. Такая историческая терапия зачастую способствует процессу морального, гражданского и даже правового примирения. Достичь этого возможно путем тщательного изучения и восстановления возможных вариантов поведения – того, что Пьер Бурдьё называл «хабитус», подразумевая весь приобретенный набор поведенческих моделей, составляющий свободу действий героев прошлого и разнообразие поведенческих возможностей, с которыми они сталкивались [Бурдьё, 1998]. Изучение культуры в этом смысле играет даже меньшую роль, чем исследование поведенческих стратегий, предлагаемых этой культурой.

Идея о двойном рынке истории – академическом и массовом – не нова. По правилам этого двойного поля играли и историки XIX столетия, такие как Жюль Мишле и Ипполит Тэн, и исследователи Школы «Анналов», ставшие свидетелями «интеллектуализации массовой аудитории». Выражал опасение по поводу этого «двойного сознания» и Пьер Бурдьё, написавший, что «влияние рынка и светского успеха, становясь все более ощутимым из-за напора издателей и телевидения, этого орудия коммерческой, да и персональной рекламы, будет и дальше усиливать полюс мемориальной истории» [Bourdieu, 1995]. Хотя, вероятно, более опасным явлением, чаще характерным для авторитарных режимов, является использование

истории в политической мобилизации, когда исторический дискурс применяется для объяснения широкой публике тех или иных решений.

Главная опасность, подстерегающая историка на пути раскрытия мотивов, толкающих людей прошлого на совершение тех или иных поступков, — соблазн анахронизма, перенесение современных условий и практик на изучение поведения людей прошлого, результатом которого становится производство ухронии, способом преодолеть которую является многолетняя профессиональная подготовка исследователя. Если утопия, место, которого не существует, хорошо изученный жанр в работе с которым выработаны свои приемы и методы литературной и исторической критики, то ухрония — это время, которого еще не было, и его опасность, думается, еще не до конца осознана, особенно среди непрофессиональных производителей знания о прошлом. Французский философ Шарль Ренувье, один из интеллектуалов французской Третьей республики, опубликовал в 1857 г. книгу с таким названием «*Uchronia*», включив в него подзаголовок «История европейской цивилизации, какой она не была, но могла бы быть». В разных своих формах, но всегда вводящая в заблуждение, ухрония свойственна непрофессиональному историописанию и свидетельствует об отсутствии навыков критической работы с источниками. Но именно такая форма поверхностного повествования бывает востребована массовой аудиторией.

В отличие от ухронии, виртуальная история, совсем недавно исследованная Ниалом Фергюссоном [Фергюссон, 2019], даже несмотря на то, что сначала она может показаться лишь интеллектуальной игрой, на самом деле является плодотворным упражнением для любого, кто пытается размышлять о связях между индивидуальным и коллективным поведением. Если ухрония представляет собой предмет исследования, то виртуальная история в качестве метода изучения прошлого позволяет восстановить все возможные варианты развития, обусловленные как персональными, так и групповыми стратегиями поведения. На стыке истории и морали виртуальная история позволяет изучать свободу выбора людей прошлого. Чем были вызваны поступки людей, строчивших доносы на своих соседей и коллег, или сотрудничавших с оккупационным режимом? Был ли это коллективный страх, или забота о будущем страны, или корыстное желание воспользоваться удобной ситуацией, чтобы добиться каких-то привилегий? Виртуальная история позволяет строить такие модели поведения и изучать альтернативные возможности развития.

В некоторых случаях действительно искаженное понимание прошлого становилось фактором неверных политических решений. Рискую казаться парадоксальным, я бы сказал, что одна из задач историка состоит в том, чтобы предостеречь политиков от очарования повторения, напомнив им, что прошлое неповторимо и события никогда не происходят так, как они случались прежде. Алексис де Токвиль в своих «*Сувенирах*», опубликованных в 1893 г., упрекал Луи-Филиппа, что тот позволил «обмануть себя ложным светом, бросаемым историей прошлого на настоящее время» [Tocqueville, 1893, p. 91–92]. Осторожность и, возможно, ирония — вот главные инструменты, с которыми политикам стоило бы подходить к изучению уроков прошлого, события которого столь же разнообразны и противоречивы, сколь и неповторимы.

Одним из преимуществ исторической перспективы является понимание того, что «так, как сейчас, было не всегда». На протяжении веков историки являлись советниками правителей, обладали авторитетом и формировали политику. Эта точка зрения восходит к Фукидиду, рассуждавшему о человеческой природе и конфликтах между греками, и Цицерону, для которого история была наставницей жизни. В более близкой перспективе «королевское профессорство», учрежденное Георгом I в Оксфорде и Кембридже в 1724 г., должно было восполнять необходимость обучения молодых джентльменов «современной истории и... современным языкам», необходимым для дипломатической службы. На рубеже XIX–XX вв. королевский профессор Дж.Р. Сили определял историю «школой государственного управления».

Историк не является обязательным поставщиком того арсенала аргументов, которые используются политиками и придают динамизм борьбе за власть. Более того, как отмечает Дэвид Эрмитадж, профессор Гарвардского университета, в последние десятилетия историки сторонились политики, и в этом заключалось их профессиональное кредо [Armitage, 2014]. Тем не менее для них было важно понимание того, что прошлое, которое они воссоздают, может и должно играть важную роль в просвещении политических деятелей при осуществлении ими власти. Ответом Полю Валери, вероятно, могли бы быть слова Полибия, которого Ницше цитирует в эссе «О пользе и вреде истории для жизни», опубликованном в 1874 г. Античный историк, а вслед за ним и немецкий мыслитель «называет политическую историю настоящей школой для подготовки к управлению государством и превосходным учителем, который помогает нам мужественно выносить смены счастья, напоминая о несчастьях других» [Ницше, 2005, с. 97–98].

История демократических обществ демонстрирует, что среди самых удачливых политиков большинство составляют те, кто так или иначе знаком с профессиональным историописанием, в то время как игнорирующие историю обречены плавать на поверхности событий, не оказывая на них реального влияния. Между тем, когда речь заходит о принятии политических или административных решений, будущее, основанное, как правило, на критериях экономической эффективности, все же получает гораздо больше внимания, чем прошлое. И хотя с 1980-х гг. в странах Запада политиками всех уровней был провозглашен лозунг «политики, основанной на фактах», в качестве таковых исторические свидетельства использовались не часто.

Ответственность историков, очевидно, распространяется не только на политические элиты, но и на широкие слои граждан, приобщающихся к прошлому через книги, медиа, визуальные средства и, прежде всего, через школу. То, что история должна стать неотъемлемой частью гражданского образования, кажется, мало кем оспаривается. Однако я бы позволил себе высказать сомнение в том, что верно понимается одна из главных ее задач, состоящая в том, чтобы развивать восприятие детей, обучая их разнообразию вариантов прошлого, цепочкам событий, ритмам развития, следующим во времени один за другим. Посреди лавины информации, которую современные медиа ежедневно обрушивают на нас, самые ответственные граждане будущего – это те, кто благодаря истории научился понимать, структурировать и упорядочивать сложный мир, зависящий от их выбора, поведения и голоса.

Самое важное понимание, которые должно быть привито в процессе знакомства с прошлым, заключается в том, что коллективность не развивалась поступательно и непрерывно, но она построена в соответствии со сложными ритмами, из которых некоторые медленные и глубокие, другие развиваются в среднесрочной перспективе, третьи – быстрые и поверхностные. Все они в каждый момент истории очерчивают пространство индивидуальной свободы человека. Если и существует хотя бы какая-то историческая закономерность, то она именно в этом, а, значит, она относится к любым социальным и культурным контекстам прошлого и настоящего, определяя среди прочего жертвы, приносимые ради национальных интересов, и солидарность с наиболее нуждающимися, и отношения между обществом и религиями, роль правосудия и характер наказания.

«СОЕДИНЯТЬ ИЗУЧЕНИЕ УМЕРШИХ И ИЗУЧЕНИЕ ЖИВУЩИХ»

Еще одна область ответственности представителей профессионального историописания – пожалуй, самая важная – связана с ответственностью историка в формировании национальных идентичностей, что заставляет его быть частью современных общественно-политических процессов. Альфонс Олар, известный историк Французской революции, писал в 1903 г.: «История всегда будет оставаться нацией, озабоченной самой собой» [Aulard, 1904]. И в этой озабоченности заключается единство и «разделение», о котором с осуждением говорил Поль Валери.

В первые десятилетия Третьей республики французская историография находилась под влиянием Эрнеста Лависса (1842–1922) – своего рода «светского папы», учителя всей нации. На протяжении многих лет его концепция и методы, воплощенные в «большом» (27-томная «Истории Франции») и «малом» (серия учебников для школ) Лависсах, преобладали в обучении и образовании миллионов будущих граждан Франции от начальной школы до университета. Принцип, проповедуемый Лависсом, основывался на идее, что историк имеет право и должен подходить к оценке событий прошлого исходя из их полезности нации. В этом случае прошлое разделялось на то, что благоприятствовало национальному единству, и то, что ему мешало или угрожало. Использование истории в интересах нации, говоря современным языком, инструментализация исторического знания, неизбежно оборачивалась в отдаленной перспективе и против нации, и против самой науки. Тонкая грань, отделяющая патриотизм от его ущербной копии – национализма, неизбежно втягивала историю в конфликт с общечеловеческими ценностями. Дело Дрейфуса – лишь один из таких примеров. История же XX столетия демонстрирует нам величайшее количество как примеров поведения историков, достойных подражания, когда исследователи прошлого, разделенные политическими и идеологическими режимами, стремились сблизить свои позиции, так и случаев, за которые профессиональному цеху должно быть стыдно.

С другой стороны, сама нация – это история ее конфликтов, а в некоторых случаях – коллективных преступлений. Забыть трагическое прошлое нации означает

отказаться от нее самой. Но одновременно нация представляет институт, в котором история становится памятью. Среди многих путей обработки прошлого немецкий – один из наиболее примечательных. Пример историков Германии и немецкий вариант решения проблемы коллективной ответственности за преступления нацизма не раз уже становился предметом исследований [Hartman, 1994; Levy, 2006; Rothberg, 2009]. «Неустойчивая память», хотя и является результатом травматичных процессов обработки прошлого, свидетельствует о сложном, но эффективном пути взаимодействия профессиональной историографии и массового сознания. Несколько менее известны войны памяти в Соединенных Штатах и Канаде, которые в течение нескольких десятилетий идут с участием историков вокруг прав потомков коренного индейского населения, когда-то подписывавшего особые договоры с завоевателями [Landsberg, 2004]. По мнению потомков коренных жителей Канады, эти договоры подразумевают фиксацию особых прав, выходящих за рамки общих правил – например, права на охоту и рыболовство. События прошлого, в которых нация кристаллизует свою историю, перемалывая разные культуры и процессы, особенно важны для национальной историографии. Такая память о прошлом не только составляет основу национальной мифологии, но и позволяет пролить свет на глубинные силы, создававшие идентичность и «желание жить вместе».

В 1989 г. президент Франсуа Миттеран поручил французским историкам организовать празднование Французской революции и Декларации прав человека и гражданина. Профессиональным сообществом это было воспринято как знак доверия и повод для размышления о положении историков, об их роли и ответственности в современном обществе. Историки – члены оргкомитета тогда решили, что сравнение с двумя более ранними празднованиями, 1889 и 1939 гг., было бы поучительным. В 1889 г. Альфонс Олар недвусмысленно заявлял: «Я сразу хотел преподавать и применять [историю] Французской революции, на пользу знаниям и Республике» [Aulard, 2012]. Основной вопрос, вероятно, заключался в балансе между этими двумя целями – служить знанию и служить Республике. На протяжении всего XIX столетия французские историки не чувствовали никакого противоречия между этими двумя целями. Точно так же, как их советские коллеги столетие спустя не видели противоречия в том, чтобы служить Советской родине и исторической науке. Сорбонна же XIX века с ее неокантианской ориентацией и идеями этического социализма занимала в вопросе о роли истории в обществе левые позиции, и для ее профессоров почитание памяти революции было одновременно и способом воздать должное Республике, которая рассматривалась как сбалансированное, мирное и в конечном итоге успешное воплощение честлюбивых идеалов 1789 года.

Пятьдесят лет спустя, в 1939 г., во время празднования 150-летия Революции, среди организаторов торжеств вместо согласия и патриотического рвения преобладал раздор. Европейская демократия демонстрировала свое очевидное бессилие перед лицом тоталитарных идеологий Германии и Советского Союза. Тогда была предпринята попытка мобилизовать историков на то, чтобы почтить

так называемые «трансатлантические революции», тем самым подчеркнув связь между Америкой и Францией в конце XVIII в. Франции в конце 1930-х гг. как никогда ранее нужна была поддержка США. Однако это не вызвало большого энтузиазма среди профессиональных историков. И причина была не в массовой симпатии к фашизму. Вероятно, основную роль сыграло то, что академические историки не пожелали отложить в сторону свои внутрицеховые разногласия и, спустившись в реальность с академических высот, оказать службу делу политики.

1989 г. оказался более удачным с точки зрения сохранения баланса между приверженностью профессиональным принципам историописания и служению политическим интересам. Этого удалось достичь благодаря тому, что было проведено строгое разграничение между исследовательской работой, дистанцированной от политического влияния, и – с другой стороны – решением задачи по политической мобилизации общества вокруг ценностей Республики и идеи французской нации как уникальной и универсальной сущности в современном мире. Нужно, правда, отдать должное государству, которое продолжало финансировать гуманитарные исследования, проводимые в университетах и других научных центрах, независимо от идеологической приверженности ученых. Несмотря на существующие различия то, как в 1988 г. был организован двухсотлетний юбилей открытия Австралии, продемонстрировало желание австралийской элиты отделить историографические дебаты от проблемы гражданской ответственности наследников европейских колонизаторов перед потомками местного населения.

Рассматриваемая проблема не ограничивается вопросом о коммеморативных практиках. Как полагает Эрик Хобсбаум, «главная опасность государства в либеральных обществах заключается не в навязывании официальной культуры или монополии на культурные бюджеты... Теперь оно пытается вмешиваться в поиски исторической правды – властью или законами» [Хобсбаум, 2017, с. 188]. В целом ряде стран не только бывшего социалистического лагеря, но в государствах Западной Европы в последние два десятилетия принимались законы о памяти. Так, во Франции несколько лет назад развернулась острая дискуссия о законе, проведенном правыми, касающемся историографических подходов к французской колонизации. Этот закон обязывал учителей младших и старших классов освещать «положительные аспекты» колонизации. И хотя законодательство является всего лишь одним из многих факторов, определяющих то, как передается тот или иной аспект прошлого, а профессионализм школьного учителя истории и историка-исследователя определяется сбалансированным подходом к прошлому, подобные попытки фиксировать историческую политику ставят перед профессиональным сообществом вопрос о гражданской ответственности историка. Внесение в преамбулу российской конституции слов о «почитании памяти предков...» было не первой попыткой на конституционном уровне решать проблему коллективной памяти. Премьер-министр Австралии Джон Говард пытался в 1999 г. ввести в преамбулу конституции заявление о том, что «австралийцы свободны гордиться своей страной и историческим наследием».

Во Франции примерно в тот же период шли массовые дискуссии вокруг «законов о памяти» — законодательных актов, призванных формировать национальную память [Канинская, 2014]. И правые, и левые во Франции претендовали тогда на то, что именно они рассказывают правду об историческом прошлом во имя интересов нации. Среди затрагиваемых тогда вопросов был и геноцид армян, и призыв признать работорговлю преступлением против человечности, и целый ряд других инициатив. В 1990 г. широко обсуждался т.н. «закон Гейссо», согласно которому предусматривалось наказание за отрицание газовых камер при нацистах. Одновременно с обсуждением этих «мемориальных законов» во Франции была создана ассоциация «Свобода истории» под председательством Рене Ремона, а после его смерти — Пьера Нора. Члены ассоциации отстаивали идею о том, что законодательство должно минимизировать вмешательство власти в историописание. При этом речь шла не о защите профессии. Качество исторического исследования не зависит от того, в каком университете оно осуществляется; скорее, уровень научности определяется профессионализмом историка, смелостью аргументов и верной постановкой проблемы. Для преследования же противоправных действий, включая антисемитизм, не обязательно применять законы об исторической памяти. Вернее всего, их существование является признаком слабости государства, его институтов и лидеров, которые не доверяя ученым, вводят искусственные ограничения свободы академического выражения. Попытки на законодательном уровне регулировать подходы к прошлому исходя из политических интересов, выдаваемых за национальный интерес, включая саму постановку исследовательских проблем, мешают академической интерпретации прошлого. Патриотизм, являясь важной составляющей идеологии государства, не должен препятствовать историческим исследованиям. Более того, ложно понимаемые национализм и патриотизм именно в развитии исторических исследований видят опасность для себя. Вслед за Эрнестом Ренаном, писавшим, что «прогресс исторических исследований часто представляет опасность для национальности», Эрик Хобсбаум призывает историков оставаться такой угрозой [Хобсбаум, 2017, с. 189].

Габриэль Моно, основавший «Исторический журнал» в 1876 г., в эпоху, когда интеллектуалам и политикам Франции периода Третьей республики удалось договориться по вопросу о сочетании патриотизма и исторической объективности, в своей статье о развитии истории с XVI в. обозначил свое представление об ответственности историка. Моно полагал, что стремление к истине таинственным и надежным образом способствует величию нации и прогрессу человечества.

Будучи ремесленником, считал он, работающим над национальной памятью, историк не может и не должен от нее отстраняться. Напротив, он «лучше всех осознает тысячи нитей, которые связывают нас с нашими предками». Любовь к Родине, поддержанная наукой, порождает не слепой и агрессивный национализм, но служит «прогрессу всего рода человеческого». Примирение этих двух целей является непростой задачей. Но именно стремление решить ее придает профессии историка и вкус, и масштабность.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Артог Ф. Какова роль историка во все более «презентистском» мире? // *Гефтер*. 15 марта 2013. URL: <http://gefter.ru/archive/8000#anchor1> (дата обращения – 21 апреля 2020 г.).

Блок М. Страшное поражение. Свидетельство, записанное в 1940 году. М.: РОССПЭН, 1999. 286 с.

Бурдые П. Структура, габитус, практика // *Журнал социологии и социальной антропологии*. 1998. Т. 1. № 2. С. 40–58.

Валери П. Цитаты. URL: <https://ru.citaty.net/tsitaty/620195-pol-valeri-istoriia-odin-iz-naibolee-opasnykh-vumyslov-chelove/> (дата обращения – 21 апреля 2020 г.).

Виртуальная история: альтернативы и предложения / ред. *Ниал Фергюссон*. М.: Издательство АСТ, 2019. 656 с.

Золя Э. Я обвиняю: Письмо господину Феликсу Фору, президенту республики // Э. Золя. Собрание сочинений в 26-ти т. Т. 26. М.: Гослитиздат, 1967. С. 216–232.

Исократ. XXI. Против Евтиноя. URL: <http://simposium.ru/ru/node/10298> (дата обращения – 21 апреля 2020 г.).

Историки в современной России: структура и самоопределение сообщества: доклад // *Вольное историческое общество*. Москва, 2020. URL: <https://volistob.ru/vio-news/istoriki-v-sovremennoy-rossii-struktura-i-samoopredelenie-soobshchestva> (дата обращения – 21 апреля 2020 г.).

Канинская Г. Две войны в зеркале французской истории // *Люди и Тексты. Исторический альманах*. 2014. № 6. С. 366–399.

Ницше Ф. Несвоевременные размышления II. О пользе и вреде истории для жизни // Ницше Ф. Полное собрание сочинений: в 13 т. Т. 1/2. М.: Культурная революция, 2013. С. 83–172.

Софокл. Эдип-царь; Антигона [пер. С. Шервинского, Н. Познякова]. М.: Слово, 2010. 595 с.

Хобсбаум Э. Разломанное время. Культура и общество в двадцатом веке. М.: Издательство Corpus, 2017. 379 с.

Шарль К. Интеллектуалы во Франции. М.: Новое издательство, 2005. 328 с.

Armitage D. Why politicians needs historians // *The Guardian*. 7 October 2014. URL: <https://www.theguardian.com/education/2014/oct/07/why-politicians-need-historians> (дата обращения – 21 апреля 2020 г.).

Aulard A. *Polémique et histoire*. Paris : EDOUARD CORNÉLY ET Cie, ÉDITEURS, 1904. 290 p.

Aulard A. *La Societe Des Jacobins*. Maurepas: Hachette Livre-BNF, 2012. Vol. 3. 728 p.

Bourdieu P. *Sur les rapports entre la sociologie et l'histoire en Allemagne et en France* // *Actes de la Recherche en Sciences Sociales*. 1995. № 106–107. Pp. 108–122.

de Chateaubriand F. Pages napoléoniennes, in *Mercure de France* // *Journal Historique, Littéraire et Politique*. 1807. Tome 29 (in French).

- Hartman G., ed. *Holocaust Remembrance: The Shapes of Memory*. Oxford: Blackwell, 1994. 320 p.
- Joutard Ph. Une passion française: l'histoire // *Histoire de la France: Les formes de la culture*. 1993. Pp. 543–546.
- Landsberg A. *Prosthetic Memory: The Transformation of American Remembrance in the Age of Mass Culture*. New York: Columbia University Press, 2004. 240 p.
- Levy D. *The Holocaust and Memory in the Global Age*. Philadelphia: Temple University Press, 2006. 240 p.
- Macintyre S. *The History Wars*. Melbourne: Melbourne University Press, 2004. 310 p.
- Rothberg M. *Multidirectional Memory: Remembering the Holocaust in the Age of Decolonization*. Stanford, CA: Stanford University Press, 2009. 404 p.
- Tocqueville A. *Souvenirs*. Paris: Ancienne Maison Michel Lévy Frères, 1893. 431 p.

REFERENCES

- Artog F. Kakova rol' istorika vo vse bolee "prezentistskom" mire? [What is the Role of the Historian in an Increasingly Presentist World?], in *Gefter*. 15 March, 2013. Available at: <http://gefter.ru/archive/8000#anchor1> (accessed 20 April 2020).
- Blok M. *Strashnoe porazhenie. Svidetel'stvo, zapisannoe v 1940 godu* [Terrible defeat. Certificate recorded in 1940]. M.: ROSSPEN, 1999. 286 p. (in Russian).
- Burd'e P. Struktura, gabitus, praktika [Structure, habitus, practice], in *Zhurnal sociologii i social'noj antropologii*. 1998. Vol. 1. № 2. Pp. 40–58 (in Russian).
- Valeri P. *Tsitaty* [Quotes]. Available at: <https://ru.citaty.net/tsitaty/620195-pol-valeri-istoriia-odin-iz-naibolee-opasnykh-vymyslov-chelove/> (accessed 21 April 2020).
- Virtual'naya istoriya: al'ternativy i predlozheniya* [Virtual History: Alternatives and Suggestions], ed. Nial Ferguysson. M.: Izdatel'stvo AST, 2019. 656 p. (in Russian).
- Zolya E. Ya obvinyayu: Pis'mo gospodinu Feliksu Foru prezidentu respubliky [I blame: Letter to Mr. Felix Forum of the President of the Republic], in Zolya E. *Sobraniye sochineniy v 26-ti t.* [Collected Works in 26 t.] T. 26. M.: Goslitizdat, 1967. T.26. Pp. 216–232 (in Russian).
- Isokrat. *XXI. Protiv Evtinoya* [XXI. Against Evtinoy]. Available at: <http://simposium.ru/ru/node/10298> (accessed 21 April 2020).
- Istoriki v sovremennoj Rossii: struktura i samoopredelenie soobshchestva: doklad* [Historians in contemporary Russia: structure and self-identification]. Available at: <https://volistob.ru/vio-news/istoriki-v-sovremennoj-rossii-struktura-i-samoopredelenie-soobshchestva> (accessed 21 April 2020).
- Kaninskaya G. *Dve vojny v zerkale francuzskoj istorii* [Two wars in the mirror of French history], in *Lyudi i Teksty. Istoricheskij al'manah*. 2014. № 6. Pp. 366–399 (in Russian).
- Nicshе F. Nesvoevremennye razmyshleniya II. O pol'ze i vrede istorii dlya zhizni [Untimely thoughts II. On the benefits and harms of history for life], in Nicshе F. *Polnoye sobraniye*

sochineniy: v 13 t. T. 1/2 [Complete Works: in 13 vols. T. 1/2]. M.: Kul'turnaya revolyuciya, 2013. Pp. 83–172 (in Russian).

Sofokl. *Edip-car'; Antigona* [Tsar Edip – Antigona]. M.: Slovo, 2010. 595 p. (in Russian).

Hobsbawm E. *Razlomannoye vremya. Kul'tura i obshchestvo v dvadtsatom veke* [Fractured Times. Culture and Society in the Twentieth Century]. M.: Corpus, 2017. 379 p. (in Russian).

Sharl' K. *Intellektualy vo Francii* [Intellectuals in France]. M.: Novoe izdatel'stvo, 2005. 328 p. (in Russian).

Armitage D. Why politicians needs historians, *The Guardian*. 7 October 2014. Available at: <https://www.theguardian.com/education/2014/oct/07/why-politicians-need-historians> (accessed 21 April 2020).

Aulard A. *Polémique et histoire* [Controversy and history]. Paris : EDOUARD CORNÉLY ET Cie, ÉDITEURS, 1904. 290 p. (in French).

Aulard A. *La Societe Des Jacobins* [The Jacobin Society]. Maurepas: Hachette Livre-BNF, 2012. Vol. 3. 728 p. (in French).

Bourdieu P. Sur les rapports entre la sociologie et l'histoire en Allemagne et en France [On the relationships between sociology and history in Germany and France], in *Actes de la Recherche en Sciences Sociales*. 1995. № 106–107. Pp. 108–122 (in French).

de Chateaubriand F. Pages napoléoniennes [Napoleonean pages], in *Mercure de France. Journal Historique, Littéraire et Politique*. 1807. Vol. 29 (in French).

Hartman G., ed. *Holocaust Remembrance: The Shapes of Memory*. Oxford: Blackwell, 1994. 320 p.

Joutard Ph. Une passion française: l'histoire [A French passion history], in *Histoire de la France: Les formes de la culture*. 1993. Pp. 543–546 (in French).

Landsberg A. *Prosthetic Memory: The Transformation of American Remembrance in the Age of Mass Culture*. New York: Columbia University Press, 2004. 240 p.

Levy D. *The Holocaust and Memory in the Global Age*. Philadelphia: Temple University Press, 2006. 240 p.

Macintyre S. *The History Wars*. Melbourne: Melbourne University Press, 2004. 310 p.

Rothberg M. *Multidirectional Memory: Remembering the Holocaust in the Age of Decolonization*. Stanford, CA: Stanford University Press, 2009. 404 p.

Tocqueville A. *Souvenirs* [Memoirs]. Paris: Ancienne Maison Michel Lévy Frères, 1893. 431 p. (in French).